

Сергей Георгиевич Кара-Мурза –

доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, социолог, политолог, публицист, член Союза писателей России

В тумане консервативного сценария

Завершен «первый период» Путина – мягкий выход из лихих 90-х, разрушительного этапа реформ по программе Горбачева–Ельцина. Период был сложным, с маневрами и компромиссами, масса претензий накопилась и справа, и слева, и из-за океана. На последнем этапе положение осложнилось дополнительным кризисом, которым нас «заразила» Америка. Пуповина с ельцинизмом не была разорвана, но качественный сдвиг налицо: население успокоилось и подкормилось (если забыть о нищих и беспризорниках), кое-какие инвестиции пошли в про-

изводство, олигархи слегка отодвинулись в тень. Массивные процессы деградации (основных фондов, квалификации, здоровья населения и пр.) не остановились, но замедлились, что увеличило запас времени для выхода страны из похмелья. Как это время будет использовано во «втором периоде» Путина?

Пока что стратегию не огласили, да и утопия Мау–Кузьминова, надо думать, не пройдет. Поскольку государство опять на распутье и возникло общее ощущение сомнений в выборе пути, уверенно сказать, куда мы покатимся, нельзя. Возможны разные сценарии. Начать лучше с

Наше предпринимательство получило родовую травму уже в 1990–1993 годы, так и росло больным – доктора не прислали. Началось с того, что номенклатура, начав дележ государственной собственности, была вынуждена взять в компаньоны преступный мир – не было в СССР другой организованной силы для грязной работы.

Кадр из фильма «Жмурки» режиссера Алексея Балабанова

консервативного, более вероятного. То есть с предположения, что еще лет двадцать будем буксовать в колее, накатанной после 1990 года, с маневрами и компромиссами, с той же потрепанной пуповиной вокруг шеи. Какими видятся главные проблемы, которые надо будет преодолевать в этом коридоре?

Зафиксируем условия вводной. Последние двадцать лет показали, что стране придется жить на больших системах, унаследованных от СССР, пускай и изуродованных. Их «генотип» устоял, а новых создать не удалось — место занято, да и творческого порыва нет. Завод и школа, армия и РЖД воспроизводятся на старых матрицах. Новострой выглядит, как мутант, но родство очевидно. Пляньте сверху на коттеджный поселок — та же деревня, только страшная. Было бы разумно не доламывать старые системы, а их восстановить, обновить и модер-

низировать, однако — компромиссы... Но в нашем сценарии главное, что в хозяйстве «второго периода» будет преобладать частное предпринимательство. Эту жажду еще не утолили. Государство не решится взять на себя крест хозяйства — не потянет, для этого надо менять колеею.

Здесь и возникают проблемы, посеянные в 1990-е годы и впоследствии заматеревшие. Это предпринимательство (бизнес) получило родовую травму уже в 1990—1993 годы, так и росло больным — доктора не прислали. Началось с того, что номенклатура, начав дележ государственной собственности, была вынуждена взять в компаньоны преступный мир — не было в СССР другой организованной силы для грязной работы. Андрей Сахаров и Белла Ахмадулина не смогли бы. Может, номенклатура надеялась, что мавр сделает свое дело и уйдет? Если так, то она ошиблась.

Вот заключение криминалистов Юрия Голика и Александра Коробеева о результатах приватизации в этом аспекте (приведены данные на 2005 год): «В криминальные отношения в настоящее время вовлечены 40 процентов предпринимателей и 66 процентов всех коммерческих структур. Организованной преступностью установлен контроль над 35 тысячами хозяйствующих субъектов, среди которых 400 банков, 47 бирж, 1,5 тысячи предприятий государственного сектора. Поборами мафии обложено 70—80 процентов приватизированных предприятий и коммерческих банков. Размер дани составляет 10—20 процентов от оборота, а нередко превышает половину балансовой прибыли предприятий. <...> По некоторым данным, примерно 30 процентов состава высшей элиты в России составляют представители легализованного теневого капитала, организован-

Для оздоровления бизнес-сообщества необходим неподкупный авторитетный госаппарат, который может существовать, только опираясь на общество, следующее нормам этики и права. Но криминализованные элита и средний класс непрерывно воспроизводят аномию всех слоев общества и коррупцию чиновников.

ной преступности».

Волна массовой преступности была поднята под воздействием и новых социальных условий, и новой официальной идеологии, которая навязала массам «закон джунглей» и поэтизировала преступника. Криминализованная экономика породила своего партнера — коррумпированного чиновника. В коридоре, о котором речь, этот альянс непобедим, даже гордое имя «полиция» вряд ли поможет. Хорошо, если удастся стабилизировать

этот фронт и дождаться нового перекрестка — с новым поколением будет шанс перескочить в другой коридор.

Сейчас наше общество, видимо, находится на пике тяжелой социальной болезни — аномии (отсутствия представления о норме как таковой, беззакония). Это состояние, при котором значительная часть общества сознательно нарушает фундаментальные основы этики и права. Оно порождается распадом человеческих связей и дезорганиза-

цией общественных институтов, а следствие аномии — массовое девиантное и преступное поведение. Случилось то, против чего предостерегал еще Адам Смит — диктат рыночной экономики привел у нас к возникновению рыночного общества. Не знали этого идеологи нашей реформы, читали только учебник истмата. Опять ошибка, причем крайне тяжелая!

Понятно, что криминализованная рыночная экономика породила криминализованное рыночное общество. В этом социолог-криминалист Владимир Кривошеев видит необычность нашей реформы: «Специфика аномии российского общества состоит в его небывалой криминальной на-

Фердинанд Бол. Купцы-попечители общества вспомоществования бедным. 1657

сыщенности. <...> Криминализация общества — это такая форма аномии, когда исчезает сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия. <...> Роль среднего класса в наших условиях фактически играют определенные группы преступного социального мира. Традиционные группы, из которых складывается средний слой (массовая интеллигенция, верхние слои других групп наемного труда и т.д.), в российском обществе ни по своему статусному, ни по своему материальному положению не могут претендовать на позицию в нем».

Это ситуация порочного круга. Для оздоровления бизнес-сообщества необходим неподкупный авторитетный госаппарат, который может существовать, только опираясь на общество, следующее нормам

Современное индустриальное общество выращивало сообщество предпринимателей на жесткой ценностной основе. Максом Вебером прекрасно описан процесс становления западного капитализма на матрице протестантской этики. Здесь создание и развитие предприятия считалось формой служения Богу, а нажива — признаком успеха в этом служении.

этики и права. Но криминализованные элита и средний класс непрерывно воспроизводят аномию всех слоев общества и коррупцию чиновников. В России не действует успокаивающий постулат, что «рыба гниет с головы», она у нас сгнила в единстве и борьбе противоположностей — власти и массы. И нет у нас катакомб, где бы можно было вырастить когорту благородных подвижников, которые бы прошли по России, неся вора и мздоимца «не мир, но меч». Значит, радикально разорвать порочный круг в обозримом будущем не удастся, надо ве-

сти позиционную войну.

Кажется, легче начать с лечения родовой травмы бизнес-сообщества. В этой терапии власть, при всех претензиях к ней, получит поддержку населения. Нынешнее бизнес-сообщество не обрело легитимности. Наоборот, оно противопоставило себя населению «как класс», а не как личности. Вот вывод психиатра, заместителя директора Государственного научного центра клинической и судебной психиатрии имени В.П. Сербского Юрия Александровского: «Переживания личного опыта каждого человека сформиро-

вали общую картину общественного неблагополучия. <...> Развиваются чувство неудовлетворенности, опустошенности, постоянной усталости, тягостное ощущение того, что происходит что-то неладное. Люди видят и с трудом переносят усиливающиеся жестокость и хамство сильных».

На какую консолидацию, на какой рынок можно надеяться в обществе, где «люди видят и с трудом переносят усиливающиеся жестокость и хамство сильных»? В таком обществе нельзя жить, можно только стиснуть зубы и пережить бедствие. Население демонстрирует поразительную стойкость, но на следующие двадцать лет ее не хватит — надо начинать терапию. Она будет полезна всем слоям и группам. Вернемся к истокам этой беды. Современное индустри-

ценностной основе, выработанной в конкретной национальной культуре. Максом Вебером прекрасно описан процесс становления западного капитализма на матри-

фуцианского капитализма. Капитализма, очень непохожего на западный — не с рынком труда, а с «рынком верности». Император собрал молодых самураев и послал в Европу учиться на предпринимателей, чтобы они вернулись и создали предприятия, которые сделали бы Японию державой, способной устоять против экспансии Запада. Сразу были заданы и этические принципы социального уклада предприятий, отношений между предпринимателями, инженерами и рабочими.

Русское предпринимательство, поднявшееся на деньги государства и общин старобрядцев, впало в кризис из-за вторжения западного капитала, который навязывал нормы периферийного капитализма. Поэтому расцвет нашей деловой активности пришелся уже на советское время. Он произошел на основе советской этики и социального уклада. Все большие программы (например, атомная, предложенная Владимиром Вернадским еще в 1910-м, но начатая в 1918-м) были задуманы и реализованы именно предпринимателями в лучшем смысле этого слова, хотя они и не набивали свои карманы.

И так — куда ни глянь. Невозможно создать отечественную промышленность и науку, если сообщество предпринимателей состоит из хищников и

це протестантской этики. Здесь создание и развитие предприятия считалось формой служения Богу, а нажива — признаком успеха в этом служении. Доход, полученный, как выражался Салтыков-Щедрин, «не без кровопивства», не прожирался и не проматывался на покупку яхт, а инвестировался в

В Японии наработали собственный опыт выращивания конфуцианского капитализма, очень непохожего на западный — не с рынком труда, а с «рынком верности». Сразу были заданы и этические принципы социального уклада предприятий, отношений между предпринимателями, инженерами и рабочими.

альное общество, выходя из традиционного — аграрного, — выращивало сообщество предпринимателей на жесткой

производство и науку. Через полвека после Вебера в Японии наработали собственный опыт выращивания кон-

временщиков, которые захватили чужую собственность, демонстративно обирают «свое» производство, влезают в долги и глумятся над трудящимися. На уровне личностей в бизнесе есть масса добрых людей и прекрасных работников, которые будут только рады оздоровлению среды, но мы говорим о явлении социальном. Пока что официальная культура работает на понижение и элиты, и массы, даже на их растрепывание. Редкие робкие попытки власти воззвать к совести (хотя бы в порядке исключения в памятный день 22 июня) получают хамский глумливый ответ. Альянс кошелька и уголовника еще в наступлении. Власть можно посочувствовать — трудно сидеть на двух стульях, которые к тому же раздвигаются.

В общем строительство бизнес-сообщества «новой России» на фундаменте из этического нигилизма и социалдарвинизма привело к краху всего этого проекта. Надо еще учесть смежные причины, которые в 1996 году указали американские эксперты, работавшие в РФ (Элис Эмсен, Майкл Интрилигейтор и др.): «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества». Хорошо хотя бы фактор страха устранен — в 2000 году к власти пришли люди бесстрашные. Но с невежеством дело хуже, их интеллектуальные службы, увы, пока оставляют желать лучшего. Система сложилась необучаемая и неспособная к диалогу.

Надо решаться. На здравом смысле и инстинктах из ловушки, в какую попала Россия, не выбраться. Искать рецепты в западных учебниках и в истмате Келле и Ковальсона бесполезно — ситуация совершенно новая и необычная. Необходим новый понятий-

Мы выпалили норму...
А ВЫ?

Русское предпринимательство, поднявшееся на деньги государства и общин старообрядцев, впало в кризис из-за вторжения западного капитала, который навязывал нормы периферийного капитализма. Поэтому расцвет нашей деловой активности пришелся уже на советское время. Он произошел на основе советской этики и социального уклада.

ный аппарат, новые инструменты измерения и средства коммуникации — принципиально новый арсенал познавательных приемов. А элита ото-

рвалась даже от традиционной описательной социологии. Происходят вещи чудовищные. Невозможно заподозрить власть, что она их инспириру-

ет. Почему же они происходят при полном равнодушии государства? Да оно, скорее всего, просто о них не знает — или не знает, что они чудовищные! Государство оставили без народа — его тихой сапой демонтировали как сложную систему, осталось население, атомизированная масса. А от правителей слышим романтические и даже фантастические рассуждения о нации, о «русском проекте». Грезы наяву.. Мало того, СМИ, «хозяева» и чиновники за двадцать лет демонтировали все большие социокультурные общности, которые и составляли общество. И этого государство тоже как будто не видит. Хотя уже о рабочем классе или интеллигенции почти забыли — чувствуют, что их как систем в России

“на самом деле” — сборище пьяниц, садистов и ворья, наши врачи по меньшей мере непрофессионалы, а по большей — просто вредители и убийцы, учителя — ретрограды и садисты, рабочие — пьяницы и лентяи, крестьяне — лентяи и пьяницы. Советское общество и советские люди описывались в терминах социальной тератологии — парадигмы социального уродства, которая якобы адекватно отображает реалии. Это, разумеется, не могло не пройти бесследно для самоощущения представителей этих общностей и для их социального настроения, избираемых ими адаптационных стратегий — от эскапизма до группового пафоса. Происходила массивная дискредитация профессиональ-

дов достигали 15–17 миллионов человек, но благополучная половина населения вообще этого не видела. Еще в 1989–1990 годы, когда мы начали выезжать на Запад, нас поражало даже не столько зрелище бездомных и нищих, сколько абсолютное равнодушие благополучных. Но мы сами через 5–7 лет провалились гораздо глубже. А кого сейчас волнует безысходное бедствие деревни?

В начале 1990-х мы пытались определить, какой общественный строй возникает в России. Я поначалу называл его «советский строй, в котором наверх поднялось дно». Потом, по мере искоренения остатков «советского», я составил такую модель, навеянную американскими фильмами, — «город, в котором власть захватила банда». Эта модель развивается: банда организует себе «защитный пояс», оплачивает помощников, налаживает порядок и пр., а какие-то герои вступают в борьбу — поначалу при скептической пассивности обывателей и т.д. Героев не нашлось, но в 1999 году пришли «силовики», и банду слегка оттеснили — установилось неустойчивое равновесие. А дальше что?

Уповали на Запад, потянулись к нему, стали имитировать его формы. И нагло тались его заразы — он-то, оказывается, совсем болен. Опять ошибка вышла...

На Западе еще раньше нашего стали говорить о признаках «исчезновения общества». Эти предчувствия были уже в начале XX века (дискуссия Макса Вебера с Георгом Зиммелем о грядущем постиндустриализме). Появились работы об «исчезновении предприятия» — технология все расписала, и коллективы, социальные связи между работниками стали ненужными. Предприятие утратило свою главную функцию — не производство пид-

Государство оставили без народа — его тихой сапой демонтировали как сложную систему, осталось население, атомизированная масса. За двадцать лет демонтировали все большие социокультурные общности, которые и составляли общество. Рабочего класса и интеллигенции как систем в России больше нет.

больше нет. Все надежды на «креативный класс». Да...

А ведь развал общества — это операция информационно-психологической войны. Общество ведь тоже система, способная развалиться из-за социальных и культурных изменений. Но она может быть и целенаправленно демонтирована. Ставить заслон таким операциям — обязанность президента, Совбеза, ФСБ и пр., а они в неведении. Олег Кармадонов так пишет о «направленности дискурсивно-символической трансформации основных социально-профессиональных групп в годы перестройки и постсоветской трансформации»: «В тот период развенчивались не только партия и идеология. В ходе “реформирования” отечественного социума советского человека убедили в том, что он живет в обществе тотальной лжи. Родная армия

ных сообществ, обесмысливание деятельности профессионалов».

Какая уж тут модернизация или инновационный путь развития. «Нам бы ночь продержаться»!

Речь идет не о политике, не о судьбе социальных групп, а о национальной беде, которая накрыла всех. Ведь мощное (даже безумное) наступление на христианскую идею равенства (в карикатурном образе — «уравниловки»), начатое в 1970-е годы в интеллигенции и охватившее «широкие народные массы», не просто делегитимировало главные основания советского строя — оно подрезало опоры жизнеустройства вообще. Социальный порядок постсоветской России — торжествующее безбожное мракобесие. Размеры «социального дна», то есть общности совершенно обездоленных, в середине 2000-х го-

жаков и телефонов, а воспроизводство массивных социальных групп. Для собственников предприятие оказалось лишь источником денег, и буржуазия превратилась в «новых кочевников», инвестиции и заводы двигаются по всему миру за деньгами, «деньги — родина безродных». Исчезают группы («классы» и пр.), общество теряет структуру и тоже исчезает, «безродные» со своими деньгами сражаются с уголовным миром — господствует «союз париев верха и париев низа».

Еще в 1990 году на Западе мыслители (особенно из старых консерваторов и простонародья) надеялись на СССР с его трудовыми коллективами и предприятиями-общинами. Не вышло. Советский культурно-исторический тип в городе сник, а вдохнуть в него новую жизнь Суслов и Андропов не умели, и «безродные» уничтожили СССР. Теперь многие ищут спасения в восстановлении нравственности, выработанной на основе православия. Но дальше лозунга дело не идет, а проблема очень сложная.

На Западе мыслители (особенно из старых консерваторов и простонародья) надеялись на СССР с его трудовыми коллективами и предприятиями-общинами. Не вышло. Советский культурно-исторический тип в городе сник, а вдохнуть в него новую жизнь Суслов и Андропов не умели, и «безродные» уничтожили СССР.

Церковь окормляет души людей строго по своему «стандарту» — готовит к неизбежной встрече со смертью, отпускает грехи, примиряет с земными печальми. Проблему дехристианизации социального порядка она не затрагивает. Кесарю — кесарево.

Говорят, что «заграница нам поможет». Надежда слабая, тамошние мыслители еще с 1989 года предупреждали: «Если СССР падет, то Запад оскотинится». Тогда это туманное предвидение понималось в политическом смысле, свидетельствами того стали, как тогда казалось, «война в Заливе» и характер празднования «победы». Но это были цветочки. Запад оскотинился в том смысле, что произошла его глубокая и почти молниеносная дехристианизация, причем синхронная с похоронами Просвещения. Универсальные ценности как корова языком

слизнула. От гражданского общества остались рожки да ножки, социал-демократы выполняют жестокие неолиберальные программы, двухпартийная система называется *ambi-dextra* — «двоеправая».

Нам самим надо стабилизировать сознание, чтобы остаться на плаву. Надо пытаться охватить мысленно всю большую систему этого кризиса, вертеть ее в уме, чтобы найти слабые места. Какой-то одной ниточки, за которую надо потянуть, мы не найдем, необходимо растаскивать этот клубок за много ниточек.

Власть игнорирует эту сторону реальности жестко и тотально, прячет голову в песок. Напрасно. По моим расчетам, у нас осталось достаточно культурного материала, чтобы овладеть этой реальностью, лишь бы государство уселось на тот стул, который ему положен.